

А. Квакин, Московский государственный университет
«СВОИ» И «ЧУЖИЕ» В ИСТОРИИ РОССИИ: КРИТИКА
ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА

В работах обществоведов прошлого и настоящего неоднократно обращалось внимание на противопоставление в сознании россиян «наших» и «чужих». Так, М.Я.Гефтер считал, что сооружение «чужого» происходит в качестве индикатора-ограничителя «нашего», «своего» («позитив негатива»). Данное противопоставление имеет исторические корни и, скорее всего, мы имеем дело с манихейским сознанием и манихейскими нравственными ценностями, когда мир строго делится на свет и тьму, на правильное и ложное, на «наших» и «чужих». Подобное противопоставление уже неоднократно было отмечено российскими обществоведами как одно из архетипических русских явлений¹. Говоря о причинах данного явления, многие исследователи обращают внимание на необходимость искать ответ в исторической психологии русского народа. Как отмечал М.И.Раев, еще в России XVII века заметен «манихейский взгляд на мир: с одной стороны, Святая Русь, с другой – все остальные, иностранцы, враги по определению. Принять иные нормы, новшества, поставить под сомнение устойчивые традиции или погрешить против них сомнением значило поставить себя вне московского закона (в прямом и переносном смысле). О последствиях такого решения свидетельствуют перемены в наименованиях: так, соратники Хованского или Шакловитого после признания их «предателями» теряют свои обычные имена и фигурируют под уменьшительными именами в сопровождении бранных эпитетов, которые выставляют напоказ их «опалу» и изгнание из русского общества. Словесная необузданность, которая сегодня может нас шокировать, выполняла роль предохранительного клапана, позволяющего разрешать и устранять конфликты, не прибегая к политическому насилию; набор словесных оскорблений помогал снять напряжение, способное разрушить само общество»².

Непрерывные поиски врага, деление всех на «наших» и «чужих» стали одной из характерных черт в общественном поведении эмигрантской интеллигенции. «Будь экстремист правым или левым, его багаж есть ярость и ненависть. Простодушные люди позволяют себе подобные эмоции без маскировки. Более хитрые же давно обнаружили, что нахождение благородной причины санкционирующей

¹ См., напр., : Бердяев Н.А. Самопознание: Опыт философской автобиографии. М., 1990. С. 230.

² Раев М.И. Понять дореволюционную Россию: Государство и общество в Российской империи. Лондон, 1990. С. 25.

ярость и ненависть, сулит громадную психологическую выгоду. Тогда можно получать дивиденды от обоих участников сделки, удовлетворяя и новую мораль и старого Адама»³. «Рефлекс» унифицирования общественного существования, склонность подрезать его конфигурации в соответствии с общим трафаретом, а также предрасположенность «нормально» себя ощущать исключительно в однородном беженском окружении, где публика аналогична по воззрениям и обыкновению, делается одной из типичных характеристик русского рассеяния. Одним из проявлений подобной приверженности к унифицированному политическому окружению представляется опасение всякой внезапности и непредсказуемости в манере бытия и суждения об окружении, а также верование в то, что обязан наличествовать один шаблон миропонимания и поведения для от мала до велика, что многообразность манер губительна. «Гражданская война обнаружила демонические бездны фанатизма и нетерпимости с обеих сторон. Схватка была абсолютно бесплодной, ибо дерущиеся были одинаковы в базисном: фетишизации собственной позиции и мировоззрения, ненависти к инакомыслию и инакожизнию, в убеждении, что только силы веры и вера в силу, власть и контроль – реальные средства формирования мира. Они были подобны и еще в одном: в чрезмерной фиксации друг на друге, в этой дружбе вражды, в отчаянном и слепом симбиотизме, запирающем третью сферу, которая могла бы быть вне симбиоза врагов. Сфера эта – конструктивное строительство»⁴.

Раздвоение, раскол в российском обществе, существовали еще до 1917 года, но оформившиеся Советская Россия и Белая Россия, Страна Советов и Российское Зарубежье: «...Трагическое сознание неслиянности и неразделенности всего – противоречий непримиримых и требовавших примирения», получила у Г.П.Федотова объяснение через цивилизационное столкновение Востока с Западом, пронизывающее собой судьбу России, предопределяющее ее трагический раскол⁵. На протяжении всей истории русской культуры чередуются, споря друг с другом по масштабности и напряженности процессы раздвоения целого и слияния антитез. В русской культуре силы общности и разложения, будучи в непрерывном противоборстве, уравнивали влияние противоположных тенденций, словно нейтрализовали взаимоисключающие основы. На различных фазах национального культурно-исторического созревания видно тяготение русской культуры к цельности, осуществляемое на той или иной

³ Gardner J. *The Recovery of Confidence*. N.-Y., 1971. P. 25 – 26.

⁴ Зубов В. *16-я республика СССР*. San-Francisco, 1982. С. 18.

⁵ Федотов Г.П. *Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры*: В 2-х т. СПб., 1991. С. 121.

почве. Все-таки данная нераздельность русской культуры остается полностью не реализованной, постепенно расслаиваемой теми же силами, что содействовал ее достижению. И отыскивание цельности приводилось приступать спервоначала, в принципиально другой направленности⁶. По мнению И.В.Кондакова, развитие русской культуры XX века, осложненное такими масштабными явлениями действительно глобального характера, как революции и мировые войны, становление советского тоталитаризма и русское рассеяние, существование пары разных (идеологически, политически и территориально) русских культур, неизменно соперничающих между собой, удостоверяет шаткий баланс сил интеграции и дифференциации разноречивых тенденций национально-исторического бытия, – то социокультурное равновесие, кое заявило о себе в наиболее решающие, кризисные времена национальной истории России и содействовало выживанию русской культуры в максимально тяжелых для нее общественно-исторических обстоятельствах. Реализовавшееся в формах целостности антагонистичности данное балансирование между целостностью и расколом проявляло двойственный менталитет русской культуры, его «кентаврообразность», а вслед за тем и высокую адаптивность русской культуры ко всяким, в том числе откровенно «антикультурным» обстоятельствам ее становления и формирования на протяжении более чем тысячелетия⁷.

Сегодня исторически довольно ясно, что в том непростом и в то же время необходимом для современной России процессе осмысления трагического опыта нашего недавнего прошлого, русской межвоенной эмиграции принадлежит выдающаяся роль. Для выполнения этой одной из основных своих миссий Российское Зарубежье, вобравшее в себя цвет интеллектуальной элиты, обладала большими творческими возможностями. Но не только своеобразием качественного состава рассеяния определялись величина и значимость вклада русского беженства в осмысление истоков и сути русской трагедии, в поиски путей ее преодоления. Уникальным был сам политический опыт русских интеллигентов, волею судеб оказавшихся современниками и участниками величайшего в мире исторического катаклизма. И, на мой взгляд, одной из актуальных исследовательских задач является анализ противопоставления «наших» и «чужих» в жизни интеллигенции Российского Зарубежья.

⁶ Кондаков И.В. Введение в историю русской культуры (Теоретический очерк). М., 1994. С. 30.

⁷ Там же.